

УДК 910(5–191.2)(091)

**УШЕДШИЙ В ПРОШЛОЕ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ГЛАЗАМИ ЛЕОНА БАРЩЕВСКОГО**

Л.Р. Скреминская

Леон Барщевский – военный исследователь Центральной Азии, этнограф, фотограф, географ, геолог и ботаник. В статье на основе перевода польскоязычного источника о путешествиях Барщевского по Центральной Азии предлагается рассказ о двух его путешествиях по Туркестану, в течение которых автору и его команде (в первом случае) пришлось испытать на себе сложности природных и климатических условий, познакомиться с местными преданиями и предрассудками. Второе путешествие было чревато сложностью отношений, проявляемых к путешественнику со стороны местного населения, с которым пришлось выстраивать коммуникацию. Каждое путешествие позволяло собрать и запечатлеть богатейший материал по флоре, фауне, о легендах, преданиях, верованиях и предрассудках местных жителей и сделать уникальные фотоснимки, повествующие о мире, который ушел в прошлое.

Ключевые слова: военный исследователь-путешественник; флора; фауна; предания; путевые заметки; фотодокументы; коммуникация.

**БОРБОРДУК АЗИЯНЫН ӨТКӨН ДҮЙНӨСҮ ЛЕОН
БАРЩЕВСКИЙДИН КӨЗ КАРАШЫ МЕНЕН**

Л.Р. Скреминская

Леон Барщевский – Борбордук Азиянын аскер изилдөөчүсү, этнограф, сүрөткө түшүрүүчү, географ, геолог жана ботаник. Бул макалада поляк тилиндеги булактардын котормосунун негизинде алынган Борбордук Азиядагы жана Туркестандагы эки саякаты тууралуу баяндалат. Ошол аралыкта автордун жана анын командасынын (биринчи учурда) кандай гана жаратылыштын жана климаттын кыйынчылыктарын башынан өткөргөнү, жергиликтүү аймактын уламыштары жана предрассудкалары менен таанышуусу баяндалат. Экинчи саякатта жергиликтүү эл менен баарлашуу учурунда алар тарабынан саякатчыга болгон оор мамилелер тууралуу айтылат. Ар бир саякат флора, фауна, уламыш, ишенич жана жергиликтүү элдин предрассудкалары жөнүндө көптөгөн материалдарды чогултууга жана өзгөчө сүрөткө түшүрүүгө көмөк болгон, жана ошондой эле дүйнөгө баяндалып тарыхта калган.

Түйүндүү сөздөр: аскер изилдөөчү-саякатчы; флора; фауна; уламыш; саякат кагаздары; сүрөт документтери; сүйлөшүү.

**THE WORLD OF CENTRAL ASIA THAT HAS PASSED
INTO THE PAST THROUGH THE EYES OF LEON BARSHCHEVSKY**

L.R. Skreminskaya

Leon Barshchevsky is a military researcher in Central Asia, an ethnographer, photographer, geographer, geologist and botanist. Based on a translation of a Polish-speaking source about Barshchevsky's travels in Central Asia, the article offers a story about his two travels in Turkestan, during which the author and his team (in the first case) had to experience the difficulties of natural and climatic conditions, get acquainted with local traditions and prejudice. The second trip was fraught with the complexity of the relationship shown to the traveler by the local population, with whom it was necessary to build communication. Each journey made it possible to collect and capture the richest material on the flora, fauna, legends, traditions, beliefs and prejudices of local residents and to make unique photographs that tell the story of the world that has become a thing of the past.

Keywords: military researcher-traveler; flora; fauna; traditions; travel notes; photo documents; communication.

Интерес к личности Леона Барщевского обусловлен не только масштабностью самой личности и глубиной его исследовательской деятельности. Не менее важной причиной можно назвать почти полное отсутствие информации о нем на русском языке. В советской истории имя Барщевского редко упоминалось среди исследователей Центральной Азии, в постсоветский период стали появляться о нем отдельные статьи, которые дают информацию общего характера о его деятельности [1, 2], а также можно найти информацию на страницах Интернета. Однако ни один источник не дает полного представления о личности Барщевского. Данный пробел восполняет книга его правнука – Игоря Строецкого [3]. Это уникальное издание, представляющее собой изложение фактов жизни исследователя, фрагменты из его дневников, путевых заметок, воспоминаний его дочери. Особенно важную часть ее содержания представляют сделанные Барщевским фотографии городов и населенных пунктов Центральной Азии, ее природы, памятников архитектуры и самое главное – запечатленные лица жителей разных областей той части Центральной Азии, которая сегодня представляет собой Республику Узбекистан.

Судьба Леона Барщевского, подполковника Русской императорской армии, путешественника, военного исследователя, фотографа, действительного члена Императорского Русского Географического Общества и т. д., подобна судьбе многих поляков, родившихся в той части Польши, которая вошла в состав Российской империи. Он получил образование в учебных заведениях российского типа, поступил на военную службу в российскую армию, но не для того, чтобы сделать военную карьеру. Его привлекала исследовательская работа, манили Восток, Центральная Азия. Он хотел своими глазами увидеть этот полный тайн и загадок мир и своими ногами исходить все его просторы.

Барщевский прожил среди азиатских народов полных 20 лет, свободно общался с ними на их языках и диалектах, старался запечатлеть на своих фотоснимках каждый момент их жизни. Он не только описывал их повседневные занятия, быт, ремесла, другие виды хозяйственной деятельности, но и активно вовлекался в эту жизнь, сам обучался различным ремеслам, овладевал искусством врачевания и оказания первой

медицинской помощи. Его уникальные фотодокументы открывают перед современным читателем мир, которого уже нет, поэтому Игорь Строецкий назвал книгу о своем великом предке “*Utracony Świat*” (“Утраченный мир”).

Для нас, жителей Центральной Азии, этот мир не кажется уж таким потерянным и забытым. Но Игорь Строецкий написал и издал свою книгу для польского читателя и на польском языке, открывая перед европейцами такой загадочный и непознанный ими мир жизни и быта народов Туркестана.

Архитектурные сооружения, которые видим на его фотографиях, сегодня выглядят совсем иначе: они отреставрированы, “причесаны” и приглажены. Об одежде, о головных уборах, предметах быта дают представления музейные этнографические экспозиции, на фотоснимках Барщевского видим людей, их лица, позы, складки одежды, ее оттенки – от гладкокрашенных тканей до тканей с едва проглядывающим рисунком. А масштабы рисунка, его разновидности, наличие или отсутствие – тоже важная деталь, благодаря которой этнографы смогут определить и статусность человека, и место его жительства. На фотографиях, сделанных Барщевским, видим всевозможные головные уборы, и весь запечатленный им мир приобретает совершенно особый характер.

Через азиатский отрезок жизни Леона Барщевского и его деятельности как исследователя и фотографа прослеживается история Бухары, Самарканда, Ферганы, Хивы и других местностей современного Узбекистана. Его записи сохранили различные легенды, сказания и предания, услышанные им от местных жителей, воспоминания от встреч с местным населением, описание их привычек, обычаев, верований и суеверий.

Польская версия книги делает ее малодоступной нашему читателю, поэтому мы обратились к переложению отдельных ее фрагментов на русский язык. Думается, что факты, изложенные в обозначенной книге, могут представлять интерес, потому что они демонстрируют видение человека “со стороны” – взгляд европейца на азиатский мир помогает и нам другими глазами посмотреть на то, что кажется привычным и обычным, поэтому какие-то детали мы можем просто не заметить.

Потерянный мир, который предстает перед читателем в обозначенной книге, – это мир записанных Барщевским впечатлений от встреч с местным населением, их легенд и сказаний, благодаря которым мы погружаемся в их верования и суеверия.

Так, в мае 1876 года, будучи еще поручиком, Леон Барщевский вместе с другими добровольцами и солдатами отправился в Туркестан, в Самарканд. Это было только начало пути, поэтому само путешествие стало очень долгим и утомительным. Маршрут пролегал через Самару, Оренбург, Казалинск, Карамакчи, Перовск, Туркестан, Ташкент, Джызак и так до Самарканда. Все, что встречалось на пути их следования, – необычная природа, строения, внешний облик местного населения, их поведение – привлекало и удивляло. По пути Барщевский собирал всевозможные образцы местной фауны, например, в Перовске, на берегах Сырдарьи, он встретил очень интересную рыбу, которую местное население рассматривало как воплощение злого духа. С этой рыбой были связаны интересные поверья, имевшие влияние на дальнейший путь следования Барщевского и его окружения. На местном диалекте рыба называлась “*шайтан дум балык*”, а жителями других окрестных регионов она называлась по-разному: “*балык муш дум*” (рыба с мышинным хвостом), “*холака дум балык*”, “*бакра дум балык*”, “*чишкан дум балык*”. Это была маленькая рыбка с очень длинным тонким хвостом и плоской головой, вдоль ее спины и по бокам была твердая костяная броня, на конце носа у нее было два маленьких рога и несколько похожих конусов на других частях головы, а ее туловище сужалось к хвосту. Обнаружение этой рыбы, по убеждениям местного населения, предвещало Барщевскому на пути огромные препятствия и даже борьбу с самим дьяволом, который появится в пустыне, известной как голодная степь. Молодой поручик посмеялся над этими пророчествами и продолжил вместе со своим отрядом путешествие, которое на самом деле оказалось очень трудным и опасным. Они шли в основном ночью, а днем оставались в тени палаток. Двигались очень медленно, страдали от недостатка пищи, особенно воды; солдаты падали в обморок от истощения, и многие просто умирали на месте. Однажды утром на глазах у Барщевского и его солдат, расставляв-

ших свои палатки, появился красивый пейзаж. Интригующие белые здания, пышная растительность над великолепным озером манили к себе. Казалось, что это было совсем близко. Солдаты требовали немедленного перехода к этому озеру. Барщевский знал из прочитанных книг, что картина, которую он видит, ненастоящая. Это было известно всем, кто путешествовал по пустыне. Но сам он феномен миража испытал впервые. Солдаты, уставшие от долгой дороги, не хотели в это верить. Они, вопреки приказам командира, призывали продвигаться вперед. Ситуация для поручика была незавидной. Сам он, находившийся в группе мятежных солдат, не видел возможности противостоять их воле и в то же время понимал, что переход к иллюзорному озеру грозит верной смертью среди летучих песков пустыни. Используя темноту и склонность к суеверным убеждениям своих солдат, он решил убедить их, что рыба, пойманная в Сырдарье, – это дьявол, который начинает свою месть и толкает людей в ад, показывая иллюзорные миражи. Большинство солдат поверили ему. Однако несколько смельчаков, издеваясь над словами поручика, несмотря на запрет, пошли к озеру. Барщевский предупредил, что их ждет смерть, что вулканические пески покроют их живыми. Не слушая предостережений, они начали путь к предполагаемому озеру. Остальные с нетерпением ждали возвращения смельчаков. Вскоре они увидели, что мираж начал исчезать, а затем исчез и красивый пейзаж. Своих спутников они больше не видели. Песчаная буря покрыла их следы и похоронила в песчаной могиле. После этого события отношение солдат к командиру изменилось. Они не только поверили ему, но и слушали его без возражений. Признав его военную мощь, они увидели в нем странную, почти сверхчеловеческую фигуру. Сначала Барщевский хотел рассеять их веру в его предполагаемую “сверхъестественную силу”, но потом отказался от этой мысли, увидев, что только благодаря ей он сможет полностью управлять своими спутниками и сумеет привести их к месту назначения.

Однажды во время странствий по пустыне отряд достиг желанного колодца. Солдаты сразу бросились в его сторону, желая утолить жажду, не обращая внимания на отвратительный запах во круг. Барщевскому потребовалось много усилий, чтобы не позволить им пить из этого колодца.

“Эта вода отравлена, – уговаривал он своих солдат. – Мы должны идти дальше, к следующей скважине, давайте будем двигаться дальше”. Дойдя до следующих колодцев и утолив жажду, они вернулись в первый, чтобы убедиться в достоверности слов своего командира. Действительно, оказалось, что на его дне лежит разлагающееся тело верблюда. Солдаты вытащили падаль и очистили колодец, чем вызвали восторг местного населения, упрочив тем веру в их силу и превосходство.

Число скважин, появляющихся на их пути дальше, вниз по дороге, увеличивалось, что свидетельствовало: зловещая пустыня скоро закончится. Вдалеке показалось возвышение. Проводник-киргиз радостно бросился на колени, плача: “Джизак, Джизак уже близко!”. И лбом касаясь земли, он поблагодарил Аллаха за успешное окончание путешествия по бескрайней пустыне. Но радость его была преждевременной. На горизонте неожиданно появилось темное облако, черное, с углублением в середине, напоминающим зловещую пасть. “Смерть идет за нами! – закричал проводник. – Давайте убегать как можно скорее. Нам нужно как можно скорее укрыться среди близлежащих холмов”. Путешественники, вскочив, направились в горы. Благодаря предостережению проводника-киргиза Барщевскому удалось скрыться с солдатами в пещерах на склонах холмов. Они увидели небольшой караван, состоявший из нескольких верблюдов, караванщики не видели этой тучи, потому спокойно отдыхали у колодца. Но ужасный вой, который раздался из горла испуганных животных, предупредил людей об опасности, но было уже поздно. Песчаная буря поглотила караван. Солдаты испытали ужас, видя, как вихрь захватил и поднял людей и животных. Песчаная буря бушевала недолго, но стерла с лица земли все живое. После прекращения стихии Барщевский и его солдаты сразу же бросились на помощь к каравану. К сожалению, их усилия были тщетны. На месте катастрофы они нашли только недавно появившийся огромный песчаный холм.

Дорога от города Самарканда к Джизаку проходила через гору Санжар, склоны которой со стороны пустыни были голые и скалистые, а с юга покрыты фруктовыми деревьями и виноградником. Было много источников и рек. Даже не верилось, что всего несколько дней назад

путешественники брели по опасной и безлюдной пустыне. В Сарайлыке солдаты в течение нескольких дней разбили лагерь, собирая силы для дальнейших походов. Местное население настороженно наблюдало за военными и явно избегало их.

Весной 1877 года Леон Барщевский отправился в свою первую горную экспедицию, которая длилась несколько месяцев. Путешествие было трудным и представляло постоянную угрозу его жизни. Впервые он почувствовал грозную силу гигантских гор, перед которыми чувствовал себя маленьким и слабым. Готовясь к этой поездке, Барщевский внимательно изучил местное население, его обычаи, а также флору и фауну гор. Он был удивлен, узнав, что описания, полученные из книг, не соответствуют истине. Все результаты своих наблюдений он записывал, исправляя то, что было прежде выписано из других источников. Красота, мощь и величие гор, склоны которых не были покрыты лесами, его поражали и завораживали. Только у подножия Самаркандских гор он наткнулся на речушки, родники и пруды с великолепными чинарами и карагачами. Под сенью одного из карагачей могли разместиться более пятидесяти человек. Некоторые склоны были покрыты зарослями фисташек, но большинство их вершин оставались голыми и каменистыми. На скалах Барщевский сталкивался с большими гнездами гигантских орлов, на склонах встречал пасущихся коз, а в долинах – пасущихся овец, мулов, коров и лошадей. В долинах к склонам примыкали небольшие кишлаки. Дома горцев, построенные из камня и глины, были низкими, с плоскими крышами, без окон и дымоходов. Рядом с большими и величественными горами, скалами и пиками человеческие жилища казались маленькими муравейниками. Плохо обработанные поля давали небольшой урожай. Основным орудием была соха, которая иногда уступала мотыгам. Барщевский впервые приблизился к горцам через несколько дней после отъезда из Самарканда. Местные жители, предвзято относившиеся к его появлению, прятались в горах и из своих укрытий следили за каждым его шагом, не приближаясь к нему и позволяя уходить глубже в долину. Они не могли поверить, что он отправился в горы только с проводником. Местный старейшина приказал поймать его живым. Была изготовлена

ловушка, в которую должен был попасть неопытный путешественник. Проводником Барщевского был некий Якуб Исмаилджанов. Это был довольно известный проводник по Памиру того времени. Петербургский ботаник В.И. Липский, которого Якуб также сопровождал в его экспедициях по бухарским владениям в 1897 (в этой поездке участвовал также и сам Л. С. Барщевский, исполняя еще и роль фотографа) и 1899 гг., оставил развернутый портрет этого человека. Происходил Якуб из персов, был шиитом. Отец его до завоевания Самаркандской области русскими войсками был начальником в Катта-Кургане, где у него имелось кое-какое имущество. Испугавшись приближения русских войск, местные жители бежали, оставив все нажитое. В их числе был и отец Якуба. Когда угроза миновала и все успокоилось, возвращаться на старые места было уже поздно, так как там все уже было разграблено, причем не русскими, а своими же. Семья переселилась в Самарканд. Там Якуб, тогда еще почти мальчик, познакомился с капитаном Барщевским, понравился ему. Тот обучил его русскому языку, брал в свои путешествия, сделал его своим доверенным лицом. В результате, как пишет о Якубе В.И. Липский, “из него выработался тип столь редкого еще (или, точнее, единственного в своем роде) проводника в Средней Азии” [4]. Грамоты Якуб не знал; средства к существованию заключались в небольшом куске земли; но в течение целого ряда лет, путешествуя в качестве переводчика и проводника то с Л.С. Барщевским, то с другими людьми, вознаграждавшими его услуги щедро, он находил в этом порядочное подспорье. “Господин, давайте вернемся, – просил Барщевского Якуб. – Я чувствую, смерть приближается к нам”. “Если хочешь, возвращайся один, я останусь здесь. Дай мне только часть припасов, которые наши ослы несут в корзинах, и возвращайся”, – ответил Барщевский. Якуб на это не соглашался. Они продолжали идти, поднимаясь все выше и выше и все дальше отдаляясь от Самарканда. Ночью они наблюдали за огнем. Однажды ночью усталый Якуб крепко заснул. Проснувшись, он обнаружил, что его и Барщевского связали веревками. Из разговоров горцев, следовавших за ними, Барщевский понял, что вскоре они должны предстать перед повелителем этих гор Кази-беком. Это успокоило его в надежде, что за

несколько дней пути к этому правителю ситуацию можно изменить. Якуб, увидев окружавших их высоких волосатых крестьян с горящими глазами и орлиными носами, был сильно напуган. На них были только кожаные штаны, а их торсы были полностью оголены. Барщевский попытался утешить своего испуганного спутника. Горцы привязали пленных к их собственным лошадям и повели в горы. В пути часто приходилось останавливаться, потому что лошади, не привыкшие к горным тропам, отказывались идти дальше. Когда они пришли к Кази-беку, тот был доволен: его люди схватили офицера русской армии, и теперь он может отомстить ему за весь вред, причиненный русскими свободным жителям гор. Он решил повесить врагов перед всеми сельчанами. Приказы, данные подчиненным, ясно указывали на то, что не может быть и речи о помиловании. Месть русскому офицеру должна была быть отмечена праздниками и танцами. “Якуб, не теряй надежду, даже когда смерть смотрит тебе в глаза, – сказал Барщевский. – Я уверен, что мы выйдем из этого приключения. Не говори им, что я понимаю их язык. Пусть они откровенно говорят о своих намерениях, а я постараюсь уничтожить эти намерения”. Подготовка к казни была завершена. Посреди широкой площади стояли виселицы. Вдруг спасительная мысль осенила Барщевского. Он знал, что, согласно неписаным законам горцев, осужденный может потребовать перед смертью последний прием пищи. У него было право есть все, что ему больше всего нравилось. “Якуб, – сказал Барщевский, – требуй еды для нас. Попроси их, в соответствии с их обычаями, окружить нас кружком и устроить пир на нашем празднике, на котором мы последний раз поедем”. Якуб громко повторил просьбу своего хозяина. Эти слова передавались, пока не достигли ушей правителя. Его телохранитель был против исполнения этой просьбы, но Кази-бек нахмурился: “Несмотря на то что он неверный, хотя он и “урус”, наша религия требует уважения к его просьбе. Принеси лучший ковер из моих камер. Я хочу, чтобы душа “уруса” наслаждалась моей благодатью на небесах. Сними его припасы с ослов. Пусть он выбирает и съест то, что ему нравится, прежде чем покинуть этот мир. Я хочу быть свидетелем этого праздника. Телохранитель должен быть со мной”. Услышав эти слова, путешественник

задумался о плане действий. Он хотел, чтобы эти “дикари” каким-то образом убедились в его “сверхъестественной” силе. И поскольку он знал много “магических” трюков, решил использовать их. Заключенным развязали руки, усадили в окружении их сумок с их продовольственными запасами на принесенный и расстеленный ковер. Барщевский поручил Якубу достать яйца, сваренные вкрутую, две жареные курицы и банку консервов. Перед началом трапезы он повернулся к Казибеку и попросил, чтобы никто не беспокоил его во время последнего приема пищи. Каждый может смотреть, но беспокоить нельзя, потому что души осужденных после смерти не дадут покоя тем, кто хотел бы помешать этому празднику. Правитель торжественно заверил, что никто их не побеспокоит. Таков закон. Барщевский этого ждал и решил продемонстрировать свои трюки сразу. Сначала он взял яйцо и положил его в рот, внезапно яйцо куда-то странным образом исчезло. “Якуб, – повернулся он к своему спутнику, – попроси их вернуть это яйцо. Кто-то из присутствующих выхватил его прямо из моего рта”. Когда эти слова повторились, присутствующие решительно возразили: “Как это?! Никто не посмел бы прикоснуться к предсмертной пище!” – “И все же я говорю, что один из присутствующих воинов взял яйцо прямо изо рта, – передал Якуб следующие слова своего господина. – Позволь мне, Казибек, лично проверить, кому захотелось отведать мою последнюю трапезу”. Присутствующие заволновались. Если кто-то шутит над осужденным, ему грозит такое же наказание, как и ему. Барщевский знал об этих обычаях и решил использовать их для своего спасения. Казибек заверил, что никто не осмелился бы так шутить, но разрешил провести личный осмотр. Барщевский

нашел яйцо в кармане главнокомандующего войсками Казибек. Тот пал на колени и заверял, что это злой дух подшутил над ним и подsunул ему яйцо. Барщевский попросил Якуба перевести Казибеку, что он прощает своего обидчика.

Присутствующие были удивлены: тот, который должен быть казнен, просит помиловать своего обидчика. Такие же трюки были проделаны и с курами, и с чаем, что в конечном итоге не только убедило местных в силе своего пленника, но и в его великодушии, и мудрости.

За прощение, дарованное Барщевским своим обидчикам, Казибек подарил жизнь и самому Барщевскому, и его проводнику Якубу. Более того, недавние враги стали друзьями, и Барщевский даже оказал врачебную помощь жителям соседнего села.

Таким образом, приведенные примеры из жизни путешественника и исследователя показали, что знание местных нравов, обычаев и страхов позволяет выстраивать успешную коммуникацию.

Литература

1. *Горшенина С.* Туркестанская коллекция Леона Барщевского и ее следы в Узбекистане, во Франции, в Польше и России / С. Горшенина. URL: https://www.academia.edu/5679952/Turkestanskaja_kollekcija_Leona_Barshchevskogo_i_ee_sledy_v_Uzbekistane_Francii_Pol_she_i_Rossii
2. *Дубовицкий В.В.* Взгляд сквозь века / В.В. Дубовицкий. URL: <http://www.narodnaya.tj>
3. *Strojecki I.* Utracony Świat. Podróże Leona Barszczewskiego po XIX-wiecznej Azji Środkowej. Wyd. Helion, 2017.
4. *Липский В.И.* По горным областям русского Туркестана / В.И. Липский. URL: <https://www.twirpx.com/file/2862307/grant/>